

Г. В. ФЕДЮНЕВА (Сыктывкар)

ПЕРМСКИЕ НАРЕЧИЯ НА *-ла*: ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И АРЕАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Abstract. Permian Adverbs on *-la*: Historical-Linguistic and Areal Aspects
The origin of Permian adverbs with a *la*-element in their structure is considered. The adverbs are divided into three groups that may be associated with different periods of the formation of *l*-cases in the Permian and Mari languages.

Keywords: Permian languages, historical grammar, adverbs, case system.

Пермские наречия на *-ла* до сих пор не получили достаточного освещения. Весьма запутанная картина соответствий в коми и удмуртском языках не позволяет делать однозначные выводы о времени формирования и источнике форманта *-ла*. Сложность в том, что в современных языках этот элемент выделяется в составе разных по грамматическому статусу образований. В грамматиках и научных работах они рассматриваются в общем контексте, однако при детальном анализе выясняется, что наречия на *-ла* восходят к разным периодам, а словообразовательный элемент — к разным источникам. Исходя из семантики и структурных особенностей предварительно можно выделить три группы наречий¹ с элементом *-ла*.

1. Наречия с *-ла* как основообразующим элементом. Он выделяется из состава связных основ в результате дефектного членения с имплицитным, не поддающимся однозначной интерпретации значением отвлеченного пространства, по отношению к которому «не применяется разграничение внутренних пределов и внешних границ» (Некрасова 2002 : 15). Сюда я отношу:

1) наречия, возникшие при адвербиализации местоимений, числительных, прилагательных и наречий с элементом *-ла* в формах местных падежей. Они больше характерны для коми языка: *уна-ла-ö* 'в разные места', *уна-ла-ын* 'в разных местах', *уна-ла-ысь* 'из разных мест', *уна-ла-сянь* 'от разных мест' и т. д.; *быд-ла-ын* 'везде', *быд-ла-ö* 'во все места' и т. д.; *выль-ла-ын* 'на новом месте', *важ-ла-ö* 'в старое место' и т. д. (< *уна* 'много', *быд* 'всякий', *выль* 'новый', *важ* 'старый'; *-ö*, *-ын*,

¹ Иногда эти основы обнаруживаются в прилагательных: *азьлось* 'передний, первый', *берлоез* 'задний, последний'.

-ысь — суффикс местных падежей); в удмуртском активно используются только формы эгрессива: *бер-ла-сянь* 'сзади'; *кема-ла-сен* 'издавна'; *мыд-мыд-ла-сянь* 'с обеих сторон'; *выл-ла-сянь* 'с верхней стороны, сверху'; *пути-ла-сянь* 'изнутри' и т. д. (< *бер* 'зад', *мыд* 'другой', *кема* 'долго', *пути* 'нутро'); а также послелог *ласянь* 'о, об, со стороны' (УРС 587); 2) наречия, возникшие при адвербиализации композит с компонентами коми *дор* 'край', *пӧв* 'сторона', *бок* 'бок'; удм. *пал* 'половина, сторона' в формах местных падежей: коми *бӧр-ла-дор-ын* 'сзади', *веськыд-ла-дор-сянь* 'справа', *шульга-ла-дор-ӧ* 'налево' (< *бӧр-ла-дор* 'задняя часть', *ув-ла-дор* 'низ, нижняя часть', *веськыд-ла-бок* 'правая сторона'); удм. *ул-ла-пала* 'вниз', *пед-ла-пала* 'наружу', *азь-ла-пала-сен* 'спереди' (< *пед-ла-пал* 'наружная сторона', *выл-ла-пал* 'верх, верхняя сторона') и др.; 3) умуртские наречия на -ло: *азь-ло* 'сначала, вначале, прежде, раньше', *бер-ло* 'потом, после, затем', *пед-ло* 'во двор, на улицу, во внешнее пространство', *пыд-ло* 'глубоко, вглубь'; *тазё-ло* 'сюда, ближе' < *таззы* 'так', *озё-ло* 'подалее' < *озь*, *озы* 'так', *шор-ло* 'в середину'; *сьӧр-ло* 'вдаль, в чужую сторону', *гаҷо-ло* 'навзничь'.

Элемент -ло в этих образованиях по традиции, заложенной Б. А. Сребренниковым (1963 : 354), считается редким реликтовым формантом с неясной историей (Шибанов 2012 : 77 и др.). Однако по структуре и семантике эти наречия совпадают с приведенными (подгруппы 1 и 2) образованиями. Видимо, первоначально они также оканчивались на -ла, но оказавшись в открытой позиции, конечный -а в некоторых формах лабиализировался как гласный непервого слога; этот процесс в удмуртском языке проходил в XV—XVI или даже в XVI—XVII вв. (Кельмаков 1993 : 25).

В общеудмуртское время эти образования в местных падежах подверглись дальнейшей адвербиализации,² общей с адвербиализацией наречий 1-й подгруппы, в инессиве:³ *пыдлон* 'вглубь' < **пыдло* + -ын, -н; аналогично: *сьӧрлон* 'вдали', *озёлон* 'подалее', диал. *берлон* 'потом, после, затем', диал. *азьлон* 'раньше, прежде, в старину'; *берлояз* 'потом, после, впоследствии' < *берло* + инессив 3 л. ед. ч. притяжательного склонения -аз (ср. коми *бӧрас* 'потом'); в элативе: *озёлось* 'издали' < **азьло* + -ысь; аналогично: *пыдлось* 'из глубины'; *сьӧрлось* 'издалека', *шорлось* 'в середину'; в эгрессиве: *сьӧрлосен* 'извне, из дальней стороны' < **сьӧрло-ысен*; *озёлосен* 'издалека'; в дативе: *берлолы* 'напоследок, на потом' < **берло* + -лы (УРС 24, 45, 336, 370, 404).

Элемент -ла/-ло (< *-ла) в наречиях этой группы (1), видимо, имеет общепермский источник, который можно отнести к более ранним периодам языковой истории.

² Иногда эти основы обнаруживаются в прилагательных: *азьлось* 'передний, первый', *берлоез* 'задний, последний'.

³ Некоторые исследователи на основе небольшой группы удмуртских наречий (*азьлон* 'раньше', *берлон* 'потом', *педлон* 'наружи', *пыдлон* 'вглубь', *сьӧрлон* 'вдали') реконструируют первичное локальное значение генитива на -лӧн, -лэн, который возводят к суффиксу праперм. *-lap, под влиянием лабиализации гласных непервого слога, изменившего гласный (Кельмаков 1993 : 25; Некрасова 2002 : 32). Это сомнительно, поскольку -ло хорошо прослеживается в других падежных формах. В наречиях типа *азьлон* 'прежде' скорее всего мы имеем характерное для речеобразования позднее наращение падежных суффиксов, особенно при десемантизации более древнего элемента: *азьла* 'вперед' > *азьло* 'раньше, прежде' + инессив -ын, -н → *азьлон* 'в старину, в прежние времена, прежде' и т. д.

В этом плане пермские образования заманчиво сравнить с такими редкими мордовскими наречиями, как *ало* 'внизу',⁴ *уда-ло* 'позади', *ике-ле* 'впереди', *васо-ло* 'далеко', *тово-ло/тово-ла* 'там', в которых *-ла/-ло* имеет локально-направительное значение. Мордовские наречия, образованные от первичных корней с помощью более поздних падежных суффиксов, структурно и семантически тоже сопоставимы с пермскими наречиями 1-й и 3-й подгрупп: *ало/ала* 'внизу', *ал-до/ал-да* 'снизу, из-под', *ало-в/ал-у* 'вниз, под', диал. *ало*; *удал-о/фтал-а* 'позади, за', *удал-до/фтал-да* 'сзади, из-за', *удало-в/фтал-у*, диал. *удал-о* 'назад, за'; *икеле/инголе* 'впереди, перед', *икель-де/инголь-да* 'спереди, из-за', *икеле-в/ингол-и* 'вперед, перед'.

К. Е. Майтинская считает, что мордовский суффикс восходит к финно-пермскому словообразовательному форманту (1989 : 194), к которому, видимо, можно возвести и *-ла/-ло* (< *-ла) в приведенных пермских наречиях. Формант использован при формировании т. н. *л-овых* падежей в прибалтийско-финских, марийском и пермских языках, он сохранился в отдельных словах с пространственным значением. Функционирование наречно-последложных слов на *-ла* в пермских языках поддержано процессом формирования системы *л-овых* падежей, в мордовских этого не случилось и естественным следствием стала архаизация этих форм.

2. Наречия и наречно-последложные слова, в которых элемент *-ла* выделяется как непродуктивный словообразовательный суффикс. В современных языках они составляют ограниченную группу в основном пассивной, диалектно ориентированной лексики. Примеры:

1) коми скр. *бокала*, вым. нв. *ббкала* 'на бок, боком': *бокила пуксыны* 'сесть боком' (лит. *бокн* 'боком'); вым. иж. нв. уд. *вожала* 'верхом': *вожала пуксис порог вылӧ* 'верхом сел на порог' (лит. *вожасьӧмӧн, верзьӧмӧн* 'верхом'); вв. иж. лл. скр. уд. *вомлала* 'поперек': *вомлала ног вундыны* 'отрезать поперек' (лит. *вомӧн, вомӧнног* 'поперек'); вым. иж. нв. скр. *дорала*, уд. *дорола* 1) 'на бок, на ребро', 2) 'подряд, сплошь; через край': *дорлала зэрис* 'дождь лил беспрестанно' (лит. *дорыв* 'сплошь'); повсеместно *кузяла* 'вдоль, по всей длине': *кузяла ног лӧсьӧдӧма* 'по всей длине сделано'; *помала* 'беспрестанно, бесконечно, без конца': *помала сійӧс горзьӧдӧ* 'без конца икает'; повсеместно *пасьтала* 'кругом, повсюду, по всей ширине': *пасьтала восьса* «кругом открыто» (ССКЗД 23, 55, 59, 111; Федюнева 1995 : 103);

2) удм. *пум-на-ла* 'беспрерывно, постоянно, подряд', *ог пумнала* 'постоянно одно и то же'; *дур-на-ла* диал 'сплошь, подряд'; *вия-ла* 'вдоль, по': *шур вияла* 'по течению', хотя количество удмуртских наречий больше: *вадь-ла-ла* = *вадьла* 'раньше, прежде в старину'; диал. *берланя-ла* = *берлань* 'назад'; *гавылда-ла* = *гавылда* 'вдруг, внезапно, неожиданно'; *соня-ла* диал 'так долго'; *тамында-ла* = *тамында* 'столько, вот столько'; *кудня-ла* 'сколько времени, как долго' (УРС 66, 85, 106, 129, 224, 291, 364, 395, 411 и др.).

В большинстве случаев эти наречия имплицитно сохраняют пространственно-местное значение, однако среди них встречаются наречия образа действия, реже меры и степени, которые, по крайней ме-

⁴ Иногда *-л-* в них является корнеобразующим: *ало* 'внизу' < ур. **ala* 'низ, место внизу' > общеперм. **ul* > коми *ув/ул*, удм. *ул* (UEW 6; КЭСК 295).

ре в коми языке, могли развиваться из пространственного, например, вым. иж. нв. скр. *дор-а-ла*, уд. *дорола* 1) 'на бок, на ребро' → 2) скр. сс. 'подряд, сплошь; через край': *дор-ла-ла зэрис* 'дождь лил беспрестанно' (лит. *дорвыв* 'сплошь, букв. через край'); *пом-а-ла* 'беспрестанно, бесконечно, без конца': *помала сійӧс горзӧдлӧ* 'он беспрестанно икает' (лит. *помтӧма* 'без конца').

В современных языках наречия этой группы адвербиализируются путем плеонастического добавления элементов наречного словообразования: коми *вожа*, вв. *вож-а-ла*, *вож-а-ла-эн*, *вож-а-ла-н* 'верхом (сесть)', иж. *дорала*, *доролаввы*, уд. *доролас* 'ребром; криво, косо'; удм. *берланя-ла* 'назад', *кузьда-ла-езъя* 'вдоль по длине', *кудня-ла-сен*, *кудня-ла-сь* 'с какого времени' и др. В коми *вом-ла-ла* 'поперек', *дор-ла-ла* 'сплошь', удм. *вадь-ла-ла* 'раньше, прежде' наблюдается удвоение суффикса.

Несомненно, эти наречия, как и наречия первой группы, существовали в общепермском языке. Однако судя по структуре, появились они позже, в большинстве своем образованными от производных основ, часто общепермских имен-последлогов с пространственно-измерительным значением: коми, удм. *пасьта* 'шириной с'; коми, удм. *кузя* 'вдоль по'; *кузьта/кузьда* 'длиной с' и т. д., практически без изменения значения или с едва заметной коннотацией более протяженной в пространстве направленности: коми *боки* — *бокила* 'боком', *пасьта* — *пасьтала* 'по всей ширине', *кузя* 'вдоль' — *кузяла* 'вдоль, по всей длине'; удм. *кузьда* 'вдоль' — *кузьдалаезъя* 'вдоль по длине'. Примечательно: с помощью этого суффикса в коми языке образованы последлоги и наречия, а в удмуртском — и существительные с абстрактным пространственно-измерительным значением: *пасьтала* 'ширина' *кузьдала*, *кузяла* 'длина', *зӧктала* 'толщина', *мурдала* 'глубина', *сектала* 'тяжесть, вес', *быдзала* 'величина, объем', *жуждала* 'высота' и т. д.⁵ Они появились в самостоятельном удмуртском языке, что свидетельствует о продуктивности суффикса *-ла*, во всяком случае до конца общепермской эпохи. Вместе с тем это косвенно говорит о том, что наречия 1-й и 2-й групп — разные по времени происхождения. Может ли тогда суффикс *-ла* в наречиях 2-й группы иметь тот же источник, что и наречия 1-й группы, т. е. финно-пермский деривационный суффикс *IV? Сомнительно. Для этого он должен был сохранять продуктивность в производстве наречно-последожных слов с пространственным значением (кстати сказать, семантически ограниченной группы) довольно долго — от финно-пермского периода до конца общепермского. Следовательно, нужно искать другой источник.

Структурой, семантикой и функционированием пермские наречия этой группы напоминают марийские наречия на *-ла*, также образованные от производных наречий и имеющие в своем составе суффиксы древних и современных падежей. В основном *-ла* присоединяется к наречиям места, придавая им общенаправительное значение: *кӱш-кы-ла* 'вверх' < *кӱш-кӧ* то же, *шенге-кы-ла* 'назад' < *шенгел* 'зад, задняя сторона', *ончы-кы-ла* 'вперед' < *ончы-ко* то же, *умба-кы-ла* 'дальше' < *умба-ке* 'вдаль', *ӱлы-кы-ла* 'вниз, книзу', *тыш-кы-ла* 'сюда', *туш-кы-ла* 'туда', *туве-кы-ла* 'в ту сторону' и т. д. (СМЯ 1961 : 281).

⁵ Ср. коми *пасьта* 'ширина', *кузьта* 'длина', *кызта* 'толщина', *джуджда* 'глубина', *сьӧкта* 'вес, тяжесть', *ыджда* 'величина, высота', *пыда*, *пыдда* 'глубина' и т. д.

Видимо, эта группа в марийском, как и в пермских языках, ограничена. Кроме упомянутых, нам удалось обнаружить только несколько слов: марГ *тупын-еш-ла* 'злонамеренно, наоборот' < *тупынь* 'против'; *ваштар-еш-ла* 'напротив' < *ваштар-еш* 'навстречу'; *вёлше-ла* 'друг на друга', ср. *вёллан* 'наверх', *вел-кы-ла* 'в сторону чего-л.', марГ *выкыла* 'наверх', *тунгела* 'в том направлении', *декыла/докыла* 'по направлению к чему-л.', *шенге-кы-ла/шайы-кы-ла* 'по направлению за': *пакча шенгекыла* 'по направлению за огород' (Коведяева 1978 : 136).

Следует оговориться, что в марийском языкознании наречный суффикс *-ла* считается продуктивным (Галкин 1964 : 28; Основы 1974 : 263 и др.), образованные с его помощью наречия рассматриваются вместе с такими наречиями, как *пыры-ла* 'по-волчьи', *маска-ла* 'по-медвежьи', *руш-ла* 'по-русски', *мар-ла* 'по-марийски', *ушан-ла* 'по-умному', *кого-ла* 'по-большому', *тендан-ла* 'по-вашему' и причастиями, например, *колышы-ла* 'по-мертвецки', *малышы-ла* 'как спящий' и т. д. (СМЯ 1961 : 280), образованными от именных основ с помощью действительно продуктивного суффикса *-ла* с компаративным значением.

По способу образования и значению последние идентичны чувашским наречиям вроде *кашкар-ла* 'по-волчьи', *кайк-ла* 'по-птичьи', *упал-ла* 'по-медвежьи' и т. д. Обычно чувашские соответствия объясняются марийским влиянием, так как в других тюркских языках аналогий не обнаружено. Однако вывести сравнительное значение из направительного довольно сложно, хотя И. С. Галкин попытался (1964 : 29—30). По-моему, наречия с компаративным значением — инновация конвергентного развития марийского и чувашского языков.

Прежде всего в тюркских языках, хотя и редко, в наречиях встречается *л*-овый компонент с инструментальным значением.⁶ Наречия на *-ла* отмечены в древнетюркском языке. Судя по зафиксированным в древнетюркских памятниках формам, например, *tünla* 'ночью', *činlä* 'действительно', *jänila* 'заново', *ertälä* 'днем', *danla* 'утром, завтра', *körklä* 'прекрасно' (СИГТЯ 257, 267), суффикс имел инструментально-адвербиальное значение, из которого выводится чув. *-ла*, *-ле* в таких наречиях, как *şerle* 'ночью' *пусла* 'по копейке', *кайыкла* 'по-птичьи' и т. д. Видимо, семантическое развитие суффикса — инструментальное → совместное⁷ → сравнительное — началось в чувашском языке, а контаминация⁸ с марийским стала импульсом к инновации: в обоих языках появился продуктивный тип наречий на *-ла* с компаративным значением.

В общем контексте с рассматриваемыми приводятся наречия на *-ла* с выраженным направительным значением: мар. *ола-шке-ла* 'по направлению к городу' < *ола-шке* 'в город': *школышкыла кайыш* 'ушел по направлению к школе' и т. д. Однако они могли возникнуть под влиянием продуктивной чувашской модели: форма дательного падежа + суффикс *-лла* (*-лле*): чув. *Шупашкар-алла* 'по направлению к Чебоксарам'; *пахча-нал-ла* 'по направлению к саду' (Коведяева 1978 : 126), как и наречия с компаративным значением, они

⁶ Ср. также чулымско-татарский орудийно-совместный падеж на *-ла/-ле* (Юдакин 1997 : 265).

⁷ Ср., напр., каз. *ертэ-ли кеч* 'день и ночь', *ер-ли катын* 'муж и жена' (Юдакин 1997 : 265).

⁸ Семантический сдвиг к совместному значению можно наблюдать, напр., в мар. *суасла мары* 'чуваш, букв. татарин и мариец'.

не анализируются здесь как собственно марийские. В общем этимологическом контексте с коми и удмуртскими наречиями может рассматриваться лишь небольшая группа архаичных марийских наречий, как *кӱш-кы-ла* 'вверх', *ончы-кы-ла* 'вперед' и т. д.

И. С. Галкин (1964 : 69–70) видит в элементе *-ла* остатки «неразвитого» (по его словам) древнемарийского падежа аллатива: **-la* < финно-угорский общевнешне-направительный падеж **-la/-le*. Е. И. Коведяева (1978 : 124, 135–136) тоже реконструирует прамарийский направительный падеж на **-la*, хотя отмечает, что направительное значение сохранилось только в двух реликтовых формах *унала* 'в гости' и *сӱанла*: *сӱанла коштеш* 'ходить на свадьбу'.⁹ Пермские наречия на *-ла* 2-й группы, видимо, имеют аналогичное происхождение. Сегмент *-ла* в пермских наречиях и некоторых удмуртских топонимах, восходящих к воршудным именам, некоторые связывали с реликтовым падежом (Насибуллин 1972 : 87; Тараканов 1997 : 165), хотя гипотеза не получила дальнейшей верификации (Некрасова 2002 : 10–13).

3. Наречия — новообразования коми языка, возникшие в результате позиционной адвербиализации имен в форме конзекутива, например, *тшыг-ла* 'с голоду, от голода', *яндзим-ыс-ла* 'со стыда, от стыда', *жар-ыс-ла* 'от жары' и т. д. Это общекоми инновация (Основы 1974 : 261–262; Некрасова 2002 : 13), соответственно, эти падежные формы подверглись адвербиализации достаточно поздно и не имеют прямого отношения к рассмотренным группам древних (общепермских и, возможно, финно-пермских) наречий на *-ла*.

4. Некоторые выводы

Приведенные образования на *-ла*, за исключением наречий последней группы, обычно рассматриваются в одном контексте с формированием и функционированием *л*-овых падежей в пермских, марийских и прибалтийско-финских языках. При этом как непосредственный источник *л*-ового форманта, так и история формирования *л*-овых падежей, в целом, остаются неясными.

В настоящее время с большей или меньшей определенностью можно говорить только о том, что в финно-пермский период существовал деривационный элемент, восходивший к финно-угорскому (уральскому) суффиксу **-lV*, который сохранился и в словообразовании других частей речи (Lehtisalo 1936 : 145–154; Kövesi 1963 : 182–183; Основы 1974 : 260; Федюнева 1981 : 7).

На базе этого элемента с пространственной семантикой в какой-то части финно-пермского диалектного континуума действительно была возможна тенденция к формированию падежа (падежей) с местным значением. Однако процесс не носил всеобщего характера и привел к разным результатам. В некоторых ареалах **-lV* имел ограниченное функционирование и архаизировался (в мордовском), в других использовался как словообразовательный суффикс или формант паде-

⁹ Мар. *унала* 'в гости' и *сӱанла* 'на свадьбу' — единственные слова, в которых суффикс *-ла* присоединяется к чистой основе, причем оба — тюркские заимствования. Ср. удм. *кунола* 'в гости' < *куно* 'гость'; чув. *хӱна* то же; удм. *суан* 'свадьба' (Напольских 1998 : 129).

жа, не получившего, видимо, развития. Наречия 1-й группы, в которых *-ла* выступает как основообразующий элемент, могут быть рассмотрены в данном контексте.

Пермские наречия 2-й группы, судя по структуре, более поздние по происхождению. Вероятно, они каким-то образом включились в процесс становления современных *л*-овых падежей. Независимо от того, сформировались ли эти падежи на основе т. н. *nomem loci* в формах реликтовых падежей или образованы с помощью специального деривационного элемента, первоначально они имели местные значения (Некрасова 2002 : 21—24). В общепермский период, когда перестраивались субъектно-объектные отношения, связанная с (так и не завершившимся) формированием лексико-грамматической категории одушевленности/неодушевленности (Кондратьева 2011 : 24), на базе местных *л*-овых падежей образуются принадлежностные:¹⁰ адессив коми *-лӧн* / удм. *-лэн*, аблатив коми *-лӧн* / удм. *-лэн* и аллатив коми *-лы* / удм. *-лы*.

К общепермскому периоду, несомненно, восходит и аппроксиматив коми *-лань* / удм. *-лань* (< общеперм. **-lań* < **-l* + * лат. *-ń*. Основы 1976 : 145). Однако в отличие от принадлежностных падежей формирование аппроксиматива, видимо, датируется более поздним временем, скорее всего концом общепермской эпохи. Об этом, в частности, свидетельствует его неравномерное развитие в удмуртском и коми языках. Аппроксиматив — один из наиболее редко употребляемых падежей в современном удмуртском языке, по мнению исследователей, он почти утратил свою актуальность (Тараканов 1997 : 166; Кондратьева 2011 : 204). В отличие от удмуртского, коми аппроксиматив получил развитие и даже стал основой более молодых приблизительно-местных падежей с первым компонентом на *-лань-*: аппроксиматив-инессив, аппроксиматив-элатив, аппроксиматив-эгрессив, аппроксиматив-пролатив, аппроксиматив-терминатив, аппроксиматив II (Некрасова 1985; 2002 : 119—129). Аппроксиматив в удмуртском языке, особенно в диалектах, активно вытесняется послеложными конструкциями, что находит выражение в адвербиализации его форм. В частности, активным формам приблизительно-местных падежей коми языка соответствуют застывшие удмуртские когнаты: *азьлане* 'вперед, впредь', *азьланьзэ* 'в будущем, в дальнейшем, далее', *азьланьлы* 'на будущее, впрок', *азьланьын* 'впереди, в будущем' (УРС 23—24) и др. С другой стороны, в коми языке, в отличие от удмуртского, широко употребляются наречия 1-й группы (подгруппа 1) с такими основами, как *водз-ла-*, *бӧрла-*, *унала-* и т. д., которые, видимо, испытывают функционально-семантическое влияние форм аппроксиматива,¹¹ ср. *уна-ла-ӧ* 'в разные стороны' и *уна-лань-ӧ* 'в разных направлениях'.

Структурная, функциональная и семантическая пригодность аппроксиматива к производству пространственных наречий на *-ла* наводит на мысль о возможной связи рассмотренной 2-й группы архаичных наречий с формированием пермского аппроксиматива в прошлом.

¹⁰ Взаимосвязь в выражении локальных и принадлежностных отношений наблюдается и в системе *l*-овых падежей марийского, прибалтийско-финских и других языков (Галкин 1964 : 1—44, 53—55; Некрасова 2002 : 24).

¹¹ Дифференциальные признаки: прямая динамическая направленность и контактная эксклюзия (Некрасова 1989 : 7).

При этом остаются вопросы о связи этой группы с марийскими соответствиями.

Что касается 3-й группы коми наречий, их происхождение достаточно прозрачно, чего не скажешь о формировании коми конзекутива на *-ла* (Основы 1976 : 149; Некрасова 2002 : 20). В сложной истории *л*-овых падежей в пермских, марийском и прибалтийско-финских языках наречия и послелого с суффиксом *-ла* действительно имеют разное происхождение, однако картина настолько запутана, что полностью восстановить ее вряд ли возможно.

Address

Galina Fedyuneva
Komi Science Centre, Institute of Language, Literature and History
E-mail: fedyuneva@mail.illhkomisc.ru
Phone+7(8212) 24-50-88

Сокращения

КРС — Коми-русский словарь, Сыктывкар 2000; **Основы** — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974; **СИГТЯ** — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика, Москва 1997; **СМЯ** — Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983.

Языки и диалекты: **вв.** — верхневычегодский диалект коми-зырянского языка; **вым.** — вымский диалект коми-зырянского языка; **иж.** — ижемский диалект коми-зырянского языка; **каз.** — казахский язык; **лп.** — лузско-летский диалект коми-зырянского языка; **нв.** — нижневычегодский диалект коми-зырянского языка; **скр.** — присыктывкарский диалект коми-зырянского языка; **сс.** — среднесыольский диалект коми-зырянского языка; **уд.** — удорский диалект коми-зырянского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I, Йошкар-Ола.
- Кельмаков В. К. 1993, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов, Ижевск.
- Коведяева Е. И. 1978, Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка. — Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва, 49—154.
- Кондратьева Н. В. 2011, Категория падежа имени существительного в удмуртском языке, Ижевск.
- Майтинская К. Е. 1989, Местоименные и служебные слова. — Финно-волжская языковая общность, Москва, 175—262.
- Напольских В. В. 1998, Происхождение удм. *сюан* ~ мар. *сјан* 'свадьба' (об одной забытой этимологии). — LU XXXIV, 128—133.
- Насибулин Р. Ш. 1972, Закамские говоры удмуртского языка. — Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Некрасова Г. А. 1985, О падежах на *-лань(-)* в коми языке. — TRÜT 690, Tartu, 147—154.
- 1989, Функциональная модель местных падежей коми языка, Сыктывкар (Научные доклады Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 210).
- 2002, Система *Л*-овых падежей в пермских языках. Происхождение и семантика, Сыктывкар.

- Серебрянников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Тараканов И. В. 1997, Функции и значения *л*-овых падежей в удмуртском языке. — Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии, Ижевск (Пермистика 4), 161—168.
- Федюнева Г. В. 1981, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар.
- — 1995, Структурные типы коми наречий. — Грамматика и лексикография коми языка. Вып. 58, Сыктывкар, 99—122.
- Шибанов А. А. 2012, Наречия в удмуртском языке, Екатеринбург—Ижевск.
- Юдакин А. П. 1997, Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков, Москва.
- Kövesi M. 1965, A permi nyelvek ősi képzői, Budapest.
- Lehtisalo T. 1936, Über die ururalischen Ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).